Маканин Владимир 6.5.2000.

АЛГЕБРА БЕЗ ГАРМОНИИ

Повесть Владимира Маканина «Буква «А» в журнале «Новый мир»

Независимая газета. – 2000. 6 мая. – с. 7

Дмитрий Крылов

Музыку я разъял как труп.
А.С. Пушкин

ВЛАДИМИР МАКАНИН прочно занял литературные высоты 90-х. Его «Лаз», «Сюр в пролетарском районе», «Квази», «Кавказский пленный» обсуждались литературной критикой подолгу и всерьез. Он стал лауреатом русского Букера. Среди причин авторского успеха – высокий профессиональный уровень его произведений, математическая выверенность сюжета и гроссмейстерская точность в литературной стратегии автора, думающего на много ходов вперед. Его последний роман «Андеграунд, или Герой нашего времени» тоже обсуждают в литературном мире, хотя уже и не так глубоко, как скандального «Пленного». Итак, признанный мастер современной русской словесности публикует повесть в «Новом мире» (№ 4). И если признавать за Маканиным мастерство, то и судить его новую повесть можно по высоким меркам.

О чем же она? Первая же строка выщерблена сокращением «з/к». Повесть о зоне. И как всегда у Маканина, не только и не столько о конкретных людях и обстоятельствах их жизни, сколько вообще о современном обществе. Аллегоричность скрывается на первых страницах повести за дробным ритмом повествования, сложностью событий, которые выстраивает автор, подобно шахматному этюду. Однако с жертвой одного из главных героев ритм повествования замедляется. Миттельшпиль повести проходит трудно, словно бы и белые и черные (охрана и заключенные) перестали друг друга различать и забыли, что выстроены рукой автора для борьбы. Нетрудно догадаться, какой эпизод из современной русской истории мог иметь в виду автор. Не так ли легко ныряют борцы за свободу и те, кто подкручивает гайки, в серую зону нравственной неопределенности. С автором не пришлось бы спорить, если б он оставил ясный след своего отношения к героям, а через них – и к событиям последних лет, которые трагичны именно параличом воли у тех, кто взялся ими управлять. Так вот, отношение автора намечено лишь пунктиром – да и то к самым жалким из героев, которые, без сомнения, заслуживают жалости, но ведь не только они.

К концу повесть тянет вниз свинцовой тяжестью. Дело тут вовсе не в вольностях описаний зоны, сделанных без оглядки на возможных юных читательниц, а в отсутствии конечного очищения. В эндшпиле проступает аллегорический каркас, собственно, то, что просилось высказаться, но уж как-то слишком отвлеченно, словно не о людских судьбах идет речь. Вряд ли возможно реалистично воспринимать сцены массовых случек заключенных и загаживанья зоны. Здесь только фантазия автора – но фантазия, увы, холодная и оттого жестокая. Таков творческий метод Маканина: он отходит на такое расстояние от героев, с которого и впрямь не отличить охранника от заключенного, белое от черного, добро от зла. У него сохранены пропорции, соблюден масштаб и точен общий ход событий. Все именно так и происходит в русском обществе, как в его зоне. И этот портрет в экзистенциальной технике, безусловно, необходим обществу, которое мгновенно (по историческим масштабам) лишилось нравственных ориентиров. Но ведь еще острее необходимо то, чего, собственно, и не хватает людям: умения выносить нравственные оценки, размечать свой исторический путь запретными полосами и указателями верного направления. Несмотря на крутизну перемен, этих обязанностей писателя никто не упразднял. Если, конечно, считать, что пишет он для читателя, а не для литературных редакций.

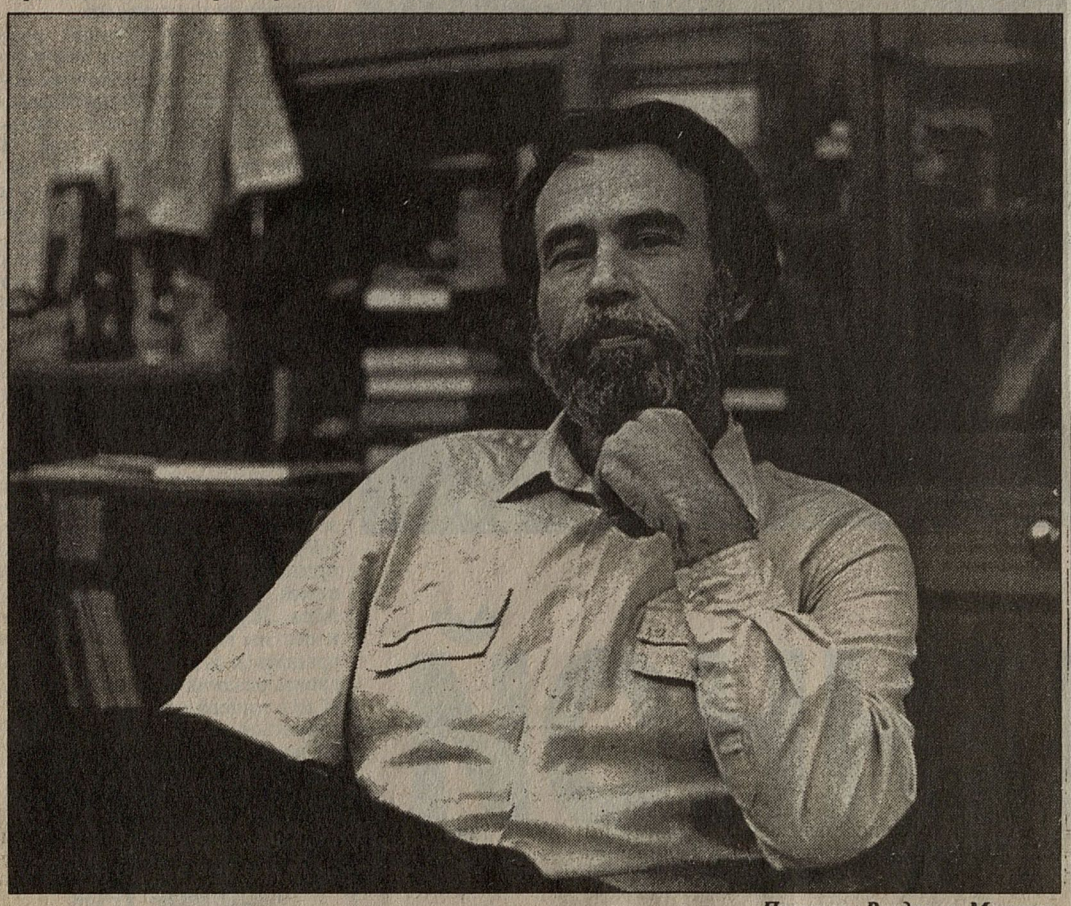
Так что же долбили зеки в скале? Какое слово начиналось с буквы «А»? Автор оставляет читателя гадать, к концу повести его герои увлечены другим. Последние сюжетные ходы оставляют впечатление безысходности, тем более горькой, чем яснее проступают исторические контуры. Если продолжать шахматную аналогию, то повесть кончается не победой черных над белыми или наоборот, не договорной ничьей, а тупиком, патом. Словно бы и не знали зеки, что лагерный закон – борьба за выживание, в которой могут быть затишья, но не бывает неразрешенности. Словно бы не было у автора понимания, что повесть его можно прочесть как притчу о свободе и рабстве. А какое же может быть смешение этих начал? Как оно может выглядеть? Да никак, такого не бывает. Маканин играет здесь уже по ему одному известным правилам, он пропустил сильный ход, и вот теперь фигуры его ходят, как им вздумается. Захотелось обратным ходом – пошли обратным ходом. Этим находкам можно искать соответствия в реальной жизни, в реальном, а не саморазрушающемся времени... но не хочется. Ведь жизнь-то, вот она! Спустился на лифте, вышел на остановку автобуса, которого полчаса ждать... и где уж тут до математических абстракций.

А казалось бы, сильный ход в этой игре был, и был он прост – рассмотреть собственных героев поближе, тех самых, завистливых, злых, никчемных. Подвергнуть сомнению строгую алгебру сюжета и пробиться в мир переживаний, на котором держалась и держится вся русская литература. Но автор словно заговорен, и заговор этот мешает ему среди своих героев разглядеть того, кто окажется достоин его внимания. Что ж, может, это и есть цена математической точности в сюжете и заведомо выигрышной стратегии социального критика. Цена совершенства, на этот раз сухого.

Маканин движется от логики – от того, что ему дается с завидной простотой, в эмоциональный мир, который доступен не всякий раз даже мастерам прозы. Поэтому повесть и кажется слепорожденной не в бытийном, а в духовном смысле. Ведь есть вдохновенные произведения о смутных временах, а есть произведения, вобравшие в себя смутный дух времени, да в нем и захлебнувшиеся. И спасение литературного произведения, как и человека, достигается лишь энергией творческого духа, без нее за последним абзацем литературной игры остаются фигуры. Отыгравшие изящно свои ходы, но так и неожившие. В этом проявляется парадокс гармонии, которая капризна и не всякий раз соглашается войти пусть и в самые стройные формы. Тем более если ее испугать прежде.

Рассказ «Кавказский пленный» начинался высказыванием Достоевского про роль красоты в мире. Так ее, стало быть, и искал автор в том рассказе, да уже не слишком ли далеко? И нашел ли, если его следующий роман, «Андеграунд» снова о том же, но уже жестче, уже с надрывным вопросом о жизни и смерти? И нет ли в этом тяжелом поиске желания искупить свои экспедиции далеко за границы приличия?

Ответы на эти вопросы прояснятся в новых произведениях автора. Необходимый разгон он, кажется, взял. А значит, он допишет слово, доскажет оставленное неясным в этой повести. А если не он, если не избавиться ему от заговора совершенства, то сделает это кто-то другой. Борьба продолжается. Новая партия. Ход белых. ■



Писатель Владимир Маканин.
Фото Павла Горшкова

138